

DOI: 10.25178/nit.2024.1.4

Статья

Тувинские произведения в антологиях современной литературы народов России: измерения поэзии, прозы, драматургии

Алексей А. Арзамазов*Российский университет дружбы народов; Казанский научный центр РАН, Российская Федерация,***Анжела В. Должикова***Российский университет дружбы народов, Российская Федерация*

В статье рассматриваются произведения тувинских писателей, вошедшие в антологии современной литературы народов России: Современная литература народов России. Поэзия. Антология (2017), Современная литература народов России. Проза. Антология (2018), Современная литература народов России. Драматургия. Антология (2020). Для исследования отобраны поэтические, прозаические, драматические тексты, в совокупности позволяющие сделать выводы относительно общего состояния и тенденций развития тувинской литературы рубежа XX–XXI столетий.

Установлено, что тувинская литература на фоне многих других литературных традиций народов России выделяется как высоким художественным качеством, так и разнообразием стилей, творческих концепций. В ходе исследования был выявлен ряд важных особенностей, свойственных тувинской литературе: актуализация выразительных возможностей природной символики, регулярное конструирование своей пространственной реальности, повышенное внимание к историческим событиям и персонажам, психологическая глубина, широкое использование приема визуализации.

Был сделан вывод о том, что тувинской литературе присуща высокая степень художественного выражения этнокультурной составляющей. Очевидно, что тувинская литература в целом сохраняет свою языковую самостоятельность, лингвокультурную самобытность.

На материале антологий предпринята попытка обозначить ключевые стратегии развития литератур народов России.

Ключевые слова: тувинская литература; тувинский язык; литература народов России; антология; образная система; этническая культура; этническая идентичность; мифологический контекст; художественный перевод

Для цитирования:

Арзамазов А. А., Должикова А. В. Тувинские произведения в антологиях современной литературы народов России: измерения поэзии, прозы, драматургии // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 55-73. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.4>

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов; заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН. Адреса: 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 3; 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31. Эл. адрес: arzami@rambler.ru

Должикова Анжела Викторовна — кандидат химических наук, директор Института русского языка Российского университета дружбы народов; член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, ведущий эксперт фонда «Русский мир». Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, к. 10, корпус 3. Эл. адрес: dolzhikova-av@rudn.ru

ARZAMAZOV, Alexey Andreevich, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University; Head, Laboratory of Multifactor Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal addresses: building 3, 10, Miklouho-Maklaya St., 3117198, Russian Federation, Moscow; 2/31 Lobachevskogo St., 420111, Russian Federation, Kazan. Email: arzami@rambler.ru

DOLZHIKOVA, Anzhela Viktorovna, Candidate of Chemical Sciences, Director, Russian Language Institute, People's Friendship University of Russia; member, Russian Language Council under the President of the Russian Federation, vice-president, Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature, leading expert, Russkiy Mir Foundation. Postal address: 3/10, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: dolzhikova_av@pfur.ru

Tuvan work of literature in anthologies of modern literature of the peoples of Russia: dimensions of poetry, prose, drama

Alexey A. Arzamazov

RUDN University; Kazan Scientific Center RAS, Russian Federation,

Angela V. Dolzhikova

RUDN University, Russian Federation

The article examines the work of Tuvan authors included in the anthology of modern literature for the peoples of Russia: Modern literature of the peoples of Russia. Poem. Anthology (2017), Modern literature of the peoples of Russia. Prose. Anthology (2018), Modern literature of the peoples of Russia. Drama. Anthology (2020). Poetic, prose, and dramatic texts have been selected for the study, which together allow us to draw conclusions about the general state and trends in the development of Tuvan literature at the turn of the XX-XXI centuries.

It has been established that Tuvan literature, in comparison to many other literary traditions among the peoples of Russia, is characterized by both a high level of artistic quality and a diverse range of styles and creative approaches. The study identified several significant features that are specific to Tuvan literature: the realization of the expressive potential of natural symbolism, the regular construction of a person's spatial reality, an increased focus on historical events and characters, a deep psychological dimension, and the widespread use of visual techniques.

It has been concluded that Tuvan literature possesses a high degree of artistic expression of its ethnocultural component. It is evident that Tuvan literature maintains its linguistic independence and linguistic and cultural distinctiveness. Based on the data from the anthologies, we attempt to identify key strategies for the evolution of the literary traditions of peoples in Russia.

Keywords: *Tuvan literature; Tuvan language; literature of the peoples of Russia; anthology; figurative system; ethnic culture; ethnic identity; mythological context; literary translation*

For citation:

Arzamazov A. A. and Dolzhikova A. V. Tuvan work of literature in anthologies of modern literature of the peoples of Russia: dimensions of poetry, prose, drama. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 55-73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.4>

Введение

Исследование многообразного этнокультурного наследия России — одно из важнейших направлений отечественной гуманитаристики. Культуры, языки, литературные традиции народов нашей страны, являя собой уникальную цивилизационную целостность, духовное богатство, представляют значительный научный интерес. Обозначая высокую актуальность разностороннего изучения проблем и перспектив развития национальной литературы, состоящей из литератур народов России, подчеркнем, что это сложный и с разных теоретических позиций рассматриваемый художественно-эстетический, этноментальный, языковой феномен.

Очевидно, что литературы народов России в аспекте современного литературоведения новый и даже удобный материал для теоретического моделирования. В широком смысле этническая природа литературного творчества в плане научного осмысления до сих пор остается *terra incognita*. Между тем, это одна из явных и неявных основ художественного семиозиса, ключевой элемент индивидуально-авторской концептуализации мира. Полагаем, что существенное содержательное усиление современного отечественного гуманитарного знания может состояться благодаря исследовательскому обращению к многообразию этноресурсов, «этноглубин» России. В центре внимания данного исследования — тувинская литература XX–XXI столетий, имеющая немало стадийно-типологических переключек с другими литературными системами разных культурно-региональных зон.

Однако научный путь к Другому — своеобразный интеллектуальный вызов. Мы оказываемся в рискованной роли исследователя-аутсайдера, заходящего на чужую этнокультурную территорию со своим багажом знаний, компетенций, исследовательским опытом, но без последовательного освоения языка, постижения основ этнического мировоззрения неспособного решать фундаментальные научные задачи. Применительно к данной ситуации речь может идти о внимательно-заинтересованном взгляде со стороны, проявляющем некоторые неочевидные тенденции, грани бытования культуры, литературы.

Нередко возникает ощущение, что жители современной России (особенно в больших городах) плохо осведомлены о масштабах языкового, этнокультурного разнообразия своей страны. Чтобы исправить эту несправедливость, на федеральном, региональном уровнях создаются-реализуются различного рода программы, фонды научно-просветительского значения. Среди инициированных Правительством РФ фундаментальных программ, обращенных к национальным культурам, видное место занимает Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации (2016–2018, и далее — ежегодное продление финансирования до 2024), в рамках которой выходят антологии современной литературы народов России¹. Участие в данных научно-исследовательских проектах позволило нам заглянуть в далекие реалии современной тувинской словесности.

Цель нашего исследования — рассмотреть художественные произведения тувинских авторов, представленных в антологиях литературы народов России. Для ее достижения предполагается решение ряда задач: рассмотреть роль Программы поддержки в контексте исследования и популяризации этнического, языкового многообразия России и на материалах антологии определить важные реалии развития литератур народов РФ; раскрыть художественные особенности произведений тувинской поэзии, прозы, драматургии, вошедших в антологии и в той или иной степени представляющих мировоззрение, духовную культуру тувинского народа.

Теоретико-методологическая основа статьи: труды, посвященные литературам народов России (Литература народов России, 2022; Барабаш, 2021; Бахтикиреева, 2005, 2009; Ибрагимов, 2018; Кучукова, 2005; Сафиуллин, 2021; и др.), а также тувинской духовной культуре и литературе (Байыр-оол, 2013; Донгак, 2006; Комбу, 2012; Куулар, 1970; Ламажаа, 2018, 2021; Очур, 2012; Хадаханэ, 1968; и др.).

Объект исследования — поэтические, прозаические, драматургические произведения тувинских авторов, вошедшие в антологии литературы народов России. Предмет исследования — художественные особенности, этнокультурные контексты попавших в орбиту прочтения произведений.

Источниковая база — антологии «Современная литература народов России. Поэзия. Антология» (2017)², «Современная литература народов России. Проза. Антология» (2018)³, «Современная литература народов России. Драматургия. Антология» (2020)⁴.

По мотивам антологий: реалии развития литератур народов РФ

Программа поддержки национальных литератур начала свою работу в 2016 г. У ее истоков был директор департамента государственной поддержки периодической печати и книжной индустрии Министерства цифрового развития РФ В. В. Григорьев, издатель Д. С. Ицкович, поэты и переводчики — М. А. Амелин, В. А. Куллэ и др. В рамках реализации программы были задействованы как ведущие столичные специалисты (литераторы, переводчики, филологи лингвисты, этнографы), так и представители регионов, носители языков, олицетворяющие этнокультуры писатели, исследователи. В республиках были собраны редакционные коллегии, основная задача которых заключалась в

¹ Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017; Современная литература народов России. Проза. Антология / отв. ред. И. Ермакова, К. Ибрагимов. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2018; Современная литература народов России. Драматургия. Антология. / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2020.

² Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017.

³ Современная литература народов России. Проза. Антология / отв. ред. И. Ермакова, К. Ибрагимов. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2018.

⁴ Современная литература народов России. Драматургия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2020.

отборе художественных текстов для антологий, подготовке аналитических справок лингвистического, литературоведческого характера, в просветительской работе с молодыми авторами, пишущими на родных языках.

Программа поддержки — многоаспектный проект, включающий в себя издание объемных, репрезентирующих срезы национальных литературных традиций антологий, запуск виртуального портала произведений на языках народов России¹, проведение «проблематизирующих» симпозиумов, круглых столов, мастер-классов.

Благодаря программе поддержки многие писатели сумели заявить о себе на общероссийском и международном уровне, произведения некоторых из них были изданы отдельными книгами (при этом тувинские писатели остались в стороне). Мероприятия, события программы стали своеобразной коммуникативной площадкой, пространством интенсивного межкультурного взаимодействия: писатели, переводчики, ученые-гуманитарии, прежде, как правило, сфокусированные на своих внутренних материалах и нарративах, открыли для себя новые имена, новые конфигурации этнопоэтических манифестаций, расширили представления о сферах общего и особенного в системе литератур.

Большую ценность для научного рассмотрения являют собой выходящие друг за другом антологии. К настоящему времени увидели свет шесть антологий (поэзии, прозы, детской литературы, драматургии, художественной публицистики, народной мудрости) (фото 1)². В каждом из этих изданий представлены сотни авторов, тысячи текстов, знакомящих читателей, гуманитарное экспертное сообщество с литературами народов России. Помимо жанрово-родовых критериев при отборе текстов учитывался языковой фактор: обязательным условием включения произведений в книги было творчество на родном языке. Таким образом, за пределами проекта остались многочисленные писатели, ассоциирующие себя с художественной традицией своего народа, но пишущие по-русски.

Из шести упомянутых антологий только в антологии поэзии параллельно представлены тексты на разных языках и их переводы на русский. Подобный принцип размещения материала позволяет исследователю — пусть и на «внешних ярусах» — сопоставить оригинальную и производную версии текста, проанализировать отдельные несовпадения, лингвокультурные отличия, ощутить акустическую разность языковых систем. К сожалению, последующие антологии выходят уже только на русском языке, составлены из текстов русскоязычных переводов. Такая элиминация этноязыкового элемента

Фото 1. Пять антологий современной литературы народов России (2017–2022). Фото Ю. Радиловской, 2022 г.

Photo 1. Five anthologies of modern literature of the peoples of Russia (2017-2022). Photo by Yu. Radilovskaya, 2022.

¹ О проекте [Электронный ресурс] // Портал национальных литератур. URL: <https://rus4all.ru/docs/program/?ysclid=Isai0wxx80327395198> (дата обращения: 13.01.2024).

² В настоящее время готовится издание антологий по языковому принципу: первый том будет посвящен финно-угорским литературам.

продиктована стремлением сократить объем изданий, невозможностью в рамках одной книги разместить публицистические или прозаические произведения на разных языках.

Показательно, что анализируемые в данной статье антологии литератур народов России как знаковый культурный феномен прежде не становились объектом научного осмысления. Вместе с тем, несмотря на некоторую эклектичность репрезентативной подборки художественных произведений, они дают возможность сделать промежуточные, но аргументированные выводы относительно проблем и тенденций самоопределения литератур народов России во второй половине XX — начале XXI в. Работа одного из соавторов статьи в качестве научного эксперта над составлением антологий позволила выявить важные в свете возможных компаративных обобщений сценарии литературного движения.

Очевидно почти повсеместное доминирование поэзии. В реальности практически каждой литературы поэтические тексты занимают первостепенные позиции. Посредством стихотворчества в словесность, литературный процесс приходят молодые люди, за счет поэзии расширяется текстовый корпус литератур. При этом поэтические эксперименты молодых авторов парадоксальным образом свидетельствуют о том, что для написания стихотворений не всегда требуется большая глубина владения языком. Аналитическое обращение к такому пласту текстов регистрирует их языковую уязвимость, сомнительное языковое качество. Все чаще складывается впечатление, что родной язык в текстодепирующем сознании поэта оказывается вторым (после русского). Однако творчество на языке предков обеспечивает более легкое вхождение в литературный контекст своего региона, народа. Так, начинающим писателям значительно проще публиковаться в республиканских литературных журналах, газетах, остро нуждающихся в новых именах, текстах. При этом редакционная политика многих изданий, выходящих на языках народов России такова, что спорное качество художественных произведений, их языковое несовершенство не являются препятствием на пути к публикации. Требования к русскоязычным текстам строже, молодым авторам значительно сложнее творчески взаимодействовать с этой категорией изданий. Кроме того, в республиках, где имеют государственный статус русский и нерусский языки, оказывается определенная поддержка (гранты, премии, финансирование книгоиздания и т. д.) писателям, пишущим на родном языке. «Неполное» владение родным языком в условиях даже ограниченного финансового, социокультурного стимулирования литературного процесса для многих молодых авторов-этнофоров остается приоритетным, привлекательным.

Иная картина языкового существования характерна для поэтов, творивших в середине и даже конце XX столетия: для них родной язык в абсолютном большинстве был первым. Языковое странство их произведений, как правило, отличалось отсутствием существенных грамматических aberrаций, грубого клиширования. На общем фоне широкой распространенности поэтического дискурса фиксируется определенный кризис форм и тем: преобладает традиционная консервативная рифмовка, по-прежнему редким явлением остается верлибр, повсеместно наблюдается некоторая ограниченность постулируемой в стихотворениях проблематики (прославление родного края, любовная лирика и др.). Именно в поэтических жанрах зачастую происходит художественное воплощение многомерной этнокультурной эмпирики, раскрываются выразительные и семантические возможности образно-символической системы этноса.

Нельзя не обратить внимание и на постепенное «стирание» из литературной жизни народов России «больших» прозаических жанров. Подавляющее большинство авторов романов — писатели старше 40 лет, для которых родной язык еще был полноценно родным, которые еще могут актуализировать ресурсы «внутреннего синтаксиса» родного языка. Билингвальность с недостаточным уровнем владения литературным родным языком, характерная для многих представителей молодой генерации писателей, не позволяет воспроизвести достаточные текстовые объемы. Поэтому некоторые прозаики-этнофоры уже с самого начала творческого пути обращаются к русскому языку как инструменту письма. Существенное снижение прозаической компоненты в структуре литератур народов России может быть связано и с потребностью в быстром, почти моментальном отклике широкого круга читателей, с напряженностью, непривычностью для молодого писательского поколения длительной творческой работы.

Непростая ситуация сложилась и с драматургией. Далеко не каждая литература располагает развитой драматургической традицией, достаточным для достойного представления набором ори-

гинальных произведений, пьес, полноценно функционирующей системой театра. Но именно драматургия потенциально могла бы раскрыть многие этноментальные «коды» личности, ее этнически обусловленного мировидения.

В ходе экспертно-исследовательской подготовки для антологии текстов были проявлены проблемы детской литературы. Речь идет о значительном дефиците детских писателей, творящих на языках народов России, некотором жанровом и сюжетно-тематическом однообразии произведений, недостаточной вовлеченности своих мифологических героев, культурных реалий в мир изображаемой детской действительности, частом отсутствии почти обязательных для детской литературы этнопедагогических основ.

Еще один важный проблемный контекст — художественный перевод с языков народов РФ на русский язык. Выяснилось, что на сегодняшний день очень не хватает квалифицированных литераторов, которые могли бы работать в этой сфере. Ушло поколение советских переводчиков, обладавших соответствующим образованием, колоссальным опытом, работающими творческими связями. Молодым талантливым писателям национально-русские переводческие проекты не кажутся интересными, перспективными. Было установлено, что качество русскоязычных переводов, репрезентирующих этноспецифические индивидуально-авторские дискурсы, не всегда оказывалось приемлемым для использования. Часто встречается ситуация, когда переводчик даже элементарно не знаком с лингвокультурой переводимого автора, не имеет даже поверхностных представлений об устройстве языка. В результате чего происходит значительная редукция стержневых параметров духовной культуры этноса, «отсекаются» релевантные мифопоэтические детали, значимые образы. Все большую актуальность приобретает проблема важности грамотно и точно сделанных подстрочников, *sub specie* передачи художественного замысла и семантики образов способных конкурировать с литературными переводами.

Частично приведенные реалии развития литератур народов России конца XX — начала XXI столетий в той или иной степени могут быть спроецированы и на современное состояние, проблемы самоопределения тувинской литературы. Разумеется, речь может идти только об очень осторожном, предварительном сопоставлении, осуществляемым ученым-аутсайдером.

Обозначая концептуальные перспективы исследования художественно-литературных традиций Тувы, в рамках этой статьи остановимся на произведениях тувинских писателей, вошедших в антологию.

Тувинская поэзия в антологиях

Если говорить о количественных показателях, общих текстовых объемах, приоткрывающих читателю ту или иную традицию, то тувинская составляющая в системе антологий представлена достаточно скромно. Особенно это заметно на примере поэтического корпуса. Отчасти нерепрезентативность тувинской поэтической подборки обусловлена труднодоступностью тувинского художественного материала (особенно — подстрочников, переводов на русский язык), некоторой сложностью сотрудничества московской редколлегии антологий и Союза писателей Тувы.

Немалую роль в популяризации тувинских поэтов сыграла личность переводчика. Тувинская поэзия в специализированном томе антологии заняла в измерении качества достойное место в том числе благодаря переводам профессора Литературного института им. А. М. Горького В. А. Куллэ, перу которого принадлежат сборники стихотворений, многочисленные эссе, литературоведческие работы (его кандидатская диссертация впервые в истории постсоветской России была посвящена поэтическому творчеству Иосифа Бродского¹). Сам В. А. Куллэ был хорошо знаком с Нобелевским лауреатом, относился к избранному небольшому кругу людей, кому Бродский симпатизировал. Необходимо заметить, что Куллэ был очарован людьми, природой, культурой Тувы. Его творческая работа с тувинскими текстами и контекстами не ограничивалась только переводческой интерпретацией исходных стихотворений. Поэт сам неоднократно бывал в Республике Тыва, общался с местным литературным

¹ Куллэ В. А. Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России, 1957–1972: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

сообществом, представителями научной интеллигенции. В рамках антологии поэзии в переводе на русский язык В. А. Куллэ увидели свет стихотворения двух тувинских поэтов — Александра Даржая (1944–2016) и Николая Куулара (1958).

Тувинские стихотворные произведения достаточно традиционны в плане рифмовки. На первый взгляд — если рассматривать под углом теории литературы и в категориях современной поэтологии — включенные в поэтическую антологию тексты лишены композиционных «изысков», созданы в русле консервативной поэтики. Нельзя не отметить их большие размеры, общую объемность. Эта особенность гипотетически может указывать на (осознанную / подсознательную?) авторскую ориентированность на лироэпические формы, традиции тюркских народов, народов Сибири, Дальнего Востока.

Стихотворения Александра Даржая в той или иной степени сюжетного раскрытия обращены к образу Тувы, проявляют глубинную метафизическую сопряженность человека с родной землей. Основа образно-изобразительной системы его поэзии — природные символы (гора / река / степь / тайга). В стихотворении «Эргелениг» («Ластясь к горе»)¹ лирический субъект и на физиологическом, и на духовном уровне ощущает родство с природой, землей, воплощением которых выступает гора. Она ассоциируется с матерью, готовой принять сына в свои объятия, поделиться с ним своим теплом, материнским молоком:

<p><i>Дыттың черже ханы кирген Дамыр болган дазылы дег, Авайынга эргеленип, Аазын эмген хензиг чаш дег, Дыңзыг куспаам четпезе-даа, Тамчыктанып чыткылаар мен.</i></p> <p><i>Даам меңээ сеткил чылыын Дагын катап эгидип бээр: Шыдалымга күжүн кадып, Шырайымны сергедиптер. Чылыг, чымчак авам куспаа Чылдып келген ышкаш болур.</i></p>	<p>Как лиственниц стволы, что в плоть земли Корнями кровеносными вросли, Сольюсь с горой — ну до чего ж сладка, Словно вкус маминого молока! Пусть руки короткие — обнять весь склон, — Просто нырну в блаженный полусон.</p> <p>Гора моя, которой я открыт, Грудь вновь теплом душевным одарит, Придаст ослабшей плоти свежих сил, Приободрит, чтоб не был я уныл. Так только материнская рука Теплом способна исцелить сынка...²</p>
---	---

Артикуляция телесности усиливает художественное представление глубинной взаимосвязи человека и его Родины, этнического «Дома».

В стихотворении «Далайны көрбээн мен» («Встреча с морем»)³ лирический герой сетует на то, что никогда не видел моря. (Этот мотив встречается в других литературах народов России. Так, у удмуртского поэта Кузубая Герда есть стихотворение «Я ни разу не видел море»). У Александра Даржая «мертвым морем» оказывается свой Енисей, когда на дно реки уходит родная деревня. Изначальный романтический ореол всего морского нивелируется трагедией потери родных мест, невозможностью вернуться в свой дом:

¹ Даржай А. Эргелениг (Ластясь к горе) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 383.

² Перевод В. А. Куллэ.

³ Даржай А. Далайны көрбээн мен (Встреча с морем) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 384.

Хөглел болгаи
 муңгаралды
 деңге көрген,
 Хөлчүң-карам
 хоюг караа мени шонган
 Тааланчыг
 кавай уям —
 Чаа-Хөл-Аксы,
 Далайжы дег,
 мөчү-сөөгү сугга барган...
 Далайжының
 черде чыдар чевээ чок дээр,
 Далай боду
 ооң сөөлгү өртээли боор.
 Кара чаштан
 мөңгезинге бүзүрээним
 Хайыралыг чуртум
 бөгүн оскундум.
 Өскен черим
 дужу бо дээш ногаан сугже
 Өкпең-кызыл чечектерни
 октап тур мен...
 Далайны мен
 караам-биле көрбээн мен,
 Талыгырдан
 сураан дыңнап өскен мен..

И вот:
 со мною знававший
 и праздника, и позор,
 теплом меня согревавший,
 как черноокий взор,
 источник блаженной неги,
 гнездо, колыбель,
 очаг —
 мой Чаа-Холь навеки
 под воду ушёл, как моряк...
 У моряков опочивших
 непрочен вечный покой —
 им морская пучина
 вместо земли родной.
 В детстве, припоминаю,
 мнилась мне вечной — но
 нынче земля родная
 погрузилась на дно.
 Родину — словно кожу
 я менять не готов.
 В зелёную воду брошу
 охапку алых цветов.
 Прежде мне видеть моря
 не довелось никогда.
 Слышал, что где-то в мире
 есть большая вода.¹

Посвященное внукам стихотворение А. Даржая «Тыва» («Тува»)² перекликается со многими другими поэтическими произведениями, широко представленными в литературах народов РФ. Это тексты презентационного характера, в которых содержание нередко обусловлено общим риторическим пафосом. Автору важно превознести свою страну, республику, народ, язык, продемонстрировать их красоту, самобытность, неповторимость. В рассматриваемом стихотворении противопоставлены два плана восприятия — внешний и внутренний. Человек со стороны не может в полной мере оценить богатство, древность, глубину этнической культуры Тувы. Поэт полагает, что подлинные духовные достоинства тувинского этноса знают только свои. Для других они закрыты.

Стихотворения Николая Куулара, опубликованные в антологии, отличаются тематической разноплановостью, повышенной эмоциональностью лирического повествования. Один из сквозных образов его стихов – юрта, становящаяся для лирического героя ключевым экзистенциальным символом, элементом этнической идентификации. Как и в произведениях А. Даржая, в стихотворении Н. Куулара «Өөм» («Юрта»)³ наблюдается актуализация телесности, фигурируют материнская грудь, молоко:

¹ Перевод В. А. Куллэ.

² Даржай А. Тыва (Тува) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 385.

³ Куулар Н. Өөм (Юрта) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 385.

<p><i>Таңды сынның эдэнейде, Таар оъттуг оргулаашта, Ховугайның ховузунда, Хола-хараган аразында Ортулук дег дүдүскекте Опагар ак өөм турар. Аазын эмген эмиим ышкаш Ава черим борбак тейи, Ыдык төрөл чыды сиңген Ынак, чылыг уям ол-дур.</i></p>	<p>У подножия хребта Танды — там, где стебли трав сухих седы, в той степи бескрайней, где густы караганниковые кусты, — виден в мареве издалека купол юрты цвета молока. Словно грудь земли — щедра, нежна — схожа с грудью маминой она. Тёплое гнездо, где — глуп и мал — запах рода я в себя впитал...¹</p>
--	--

Жанровая дефиниция произведения «Аът дугайында баллада» («Баллада о скакуне»)² свидетельствует о проникновении в категориально-понятийный аппарат национальной словесности европейских литературных универсалий, канонов. Однако сюжет текста прежде всего корреспондирует в широком смысле с тюркскими нарративами: в центре стихотворного повествования — образ коня, скачки, самопреодоление, смертельная скорость состязания, мифологические подтексты. Поэту / переводчику особенно удалась сцена изображения переходного состояния — от жизни к смерти:

<p><i>Ээн хову ужунга кээп, деңге Эрес эрлер аъттар дынын салган. Кудай-дээрже багана дег бедип, Куу доозун хову кежир көшкен.</i></p> <p><i>Чарыштырган аъттар таптай баскан Сарыг хову дүңгүрлештир дагжаан. Чүректер-даа уштунгу дег соккан, Чүгле эртер! Адаан ындыг күштүг.</i></p> <p><i>Чаваа шаандан дешкилектеп өскен Чаттып чыдар делгемнерден салгын Айдыс чытты челбип бээрге, тынып, Аккан дерниц ажыын безин билбээн...</i></p> <p><i>Калган-даа бол, тишеттирбээн аъттың Сооп, көжээн карактары үр-ле Соңнап келген өөрү-биле чарлып, Хаяаланган дышче кирип чыткан.</i></p>	<p>Вот собрались наездники в поле пустом и отпустили поводья. Скакун воскрес! Из-под копыт вырывается пыль столбом, ибо земная пыль — опора небес.</p> <p>Грива, как флаг, по ветру пластается. Воздух сух и горяч. Скакун летит, не касаясь земли. Кажется: в скачке ожил древних шаманов дух. Благословенье даря, бубны рокочат вдали.</p> <p>Вот-вот и сердце не выдержит — вырвется из груди, чтоб налегке отправиться в сумасшедший полёт. Обгоняя соперников, он летит впереди! Травы степные пахнут крепче, чем конский пот...</p> <p>А он, затихая, видел: там, где солнце в зенит восходит, где вечного неба бескрайня голубизна, — вновь в нескончаемой скачке он первым мчит и продолжает бег небесного табуна.³</p>
---	--

Переводы В. А. Куллэ, бесспорно, выполнены на очень высоком литературном уровне. И в такой переводческой высоте — своя опасность. При знакомстве с русскоязычными «отражениями» А. Даржая и Н. Куулара возникает ощущение большого стилистического присутствия личности перевод-

¹ Перевод В. А. Куллэ.

² Куулар Н. Аът дугайында баллада (Баллада о скакуне) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 386–387.

³ Перевод В. А. Куллэ.

чика. Оба тувинских поэта говорят с читателем на языке поэзии Куллэ. Русский переводчик в данном случае стилистически, мировоззренчески вписывает тувинскую литературу в совершенно другие / чужие поэтологические контексты, придает стихотворениям несвойственные этнокультурному поэтическому дискурсу интонации. Плохо это или хорошо для тувинской культуры — вопрос открытый.

Завершается тувинский блок поэтической антологии стихотворениями Эдуарда Мижита, переведившего себя на русский самостоятельно. Его автопереводы, написанные на русском языке поэтические тексты — отдельная тема для монографического рассмотрения. В них в аналитической перспективе привлекают конфигурации влияния национального языка на русскоязычные произведения (например, распространенность деепричастий, которую можно считать «проекцией» тувинского языкового мышления с присущими ему продуктивными деепричастными формами на *-ып*, *-ап*, *-уп* и т. д.). Двухязычная природа творчества Э. Мижита способствует привлечению исследователей, как аутсайдеров, так и инсайдеров. На сегодняшний день Э. Мижит — один из наиболее изучаемых тувинских писателей (см.: Валикова, 2021; Валикова, Синячкин, Кулиева, 2023; Дампилова, 2015; Донгак, 2020; и др.).

Стихотворные тексты Мижита инкорпорированы в традиции русской, мировой литературы. Прежде всего это художественный опыт саморефлексии, самоанализа, лирическое погружение в прошлое и настоящее своих переживаний. Глубинное философское начало его творчества, поэтизация различных экзистенциальных граней проживающей сложную внешнюю и внутреннюю жизнь артистической личности, «интеллектуализация» этнического характера становятся новой важной ступенью развития национальной культуры. Существенное проблемно-тематическое расширение поэзии, усложнение ее поэтики, другие релевантные трансформации, по всей вероятности, оказали положительное воздействие на тувинский язык, его «внутренний синтаксис», образную систему, выразительные возможности.

На фоне представленных в издании стихотворений тувинских авторов выделяется произведение Э. Мижита «Бирги чалгыг» («Первая волна»)¹, переносящее реципиента в измерение детских ассоциаций, нетривиальных образно-символических компараций, в ситуацию «перетекания» состояний, воплощений. В реальности мироощущения ребенка — единство человека и природы:

<p><i>Шаавыс төндүр сывыртажып ойнап-ойнап, Челбиши ышкаш чалгын чайган ховаганнар — Чаңгызы-даа хары, өске эвес болгай, — Серишдедиң, эктим орта хонуп чорду.</i></p>	<p>Мне бабочки садились на плечо, Крылом, как опахалом, остужая, — Ведь в салочки играли только что, Ведь ни одна из них мне не чужая.</p>
<p><i>Бора-хөкпеш эжимче хол сунарымга, Хэлзээн мени караа-биле доктаадыткаш, «Болзун че, мен суг ижип айын» деп мыжыраарга, Хөйнү хөктөп, хөөлбектен ижип чордум.</i></p>	<p>Когда тянул я руки к воробью, Он, круглым взглядом пыл мой умеряя, Чирикал мне: «Не видишь, я же пью?!» И я пил с лужи, взрослых удивляя.</p>
<p><i>Аравыста хензиг безин ылгал көрбейн, Бора-хөкпеш, ховаган-даа болуп чордум. Ам чаа ишкен суувус ышкаш, ала-чайгаар Бот-бодувусче агып кирип чордувус-даа...</i></p>	<p>Я был и бабочкой, и воробьем, Почти не видел разницы меж нами, И как вода, которую мы пьем, Друг в друга плавно мы перетекали...²</p>

Другое стихотворение Мижита «Кузел» («Мечта»)³ интересно тем, что в русскоязычном переводе используется инфинитивное письмо:

¹ Мижит Э. Бирги чалгыг (Первая волна) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 388.

² Перевод Э. Мижита.

³ Мижит Э. Кузел (Мечта) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 389–390.

<p><i>Мага-бот чок чүүлдерге — мага-боттан, Ырлаар кылдыр даштарга-даа үнден берзе, Балдырга күш — хензиг хлеб дег идегелдиг Ырак берге оруктува үнзүмзе де Улуг бодал, эжим ышкаш, душкан болза, Сөстүң оода шензэн орта дегген болза, Уттундурган бедиктерим сактып келгеш, Чөгел төнмес бутка катап туруп келзе.</i></p>	<p>Дать бы бесплотному плоть И камню для песни бы голос, Чтоб хоть надежды ломоть, — И в путь, что нелегко и долог... Встретить, как друга, бы мысль, Коснуться хоть локтя бы слова, Вспомнив забытую высь, Подняться бы на ноги снова.¹</p>
---	---

Следует заметить, что при переводе поэтических текстов с агглютинативных языков на флективный русский регулярно встречаются инфинитивные серии, цепочки. Более того, авторы-билингвы, в творческом самовыражении которых сосуществуют национальный-агглютинативный и русский языки, именно в русскоязычном пространстве перманентно обращаются к инфинитивным моделям (см.: Арзамазов, 2022, 2023).

Есть все основания сделать вывод о том, что в центре образно-изобразительной системы тувинской поэзии — природные символы, ассоциативные параллели бытия человека и явлений природы. В целом при всей своей композиционной консервативности современная тувинская поэзия содержательно многогранна, разнообразна. Тувинские поэты придерживаются разных стилистических стратегий. Одни вписаны в традиции своей словесности, далеки от экспериментов, творческого выхода за рамки общепринятого, другие (как, например, Э. Мижит), комбинируют свое с другим, тем самым существенно расширяя контексты развития словесности. Также обращают на себя внимание две детали переводоведческого характера — высокое литературное качество художественных переводов тувинских стихотворений на русский язык (прежде всего в исполнении В. Куллэ и Э. Мижита) и недостаточная представленность тувинской поэтической составляющей на русском языке в межлитературной общности народов России.

Тувинская проза в антологиях

Тувинская проза представлена тремя рассказами, в определенной степени иллюстрирующими проблемно-тематическое разнообразие национальной литературы второй половины XX столетия.

На первый взгляд композиционно простой рассказ Чечена Ирбижей (1942) «Взрыв»² в переводе Бориса Смирнова оказывается богатым на различного рода этнокодифицированные нюансы. Повествователь-этнофор изначально переносит воспринимающую сторону в тувинский хронотоп, конструирует природно-пейзажную реальность Тувы, актуализирует тувинские топонимы (Улуг-Хем, Баян-Кол и др.).

Обращает на себя внимание высокая степень визуализации внутритекстовой действительности: разворачивающиеся события, поступки, поведение персонажей подаются кинематографически, вписаны в зрительно убедительный ландшафт суровых гор. Используются текстопорождающие механизмы описательности, свойственные «молодым литературам». Однако не всегда простые для исследовательской атрибуции этноментальные подтексты в данном случае сконцентрированы на внутренних «ярусах» произведения (психологическом, экзистенциально-философском, аксиологическом). Тувинский герой готов пожертвовать своим здоровьем, жизнью ради спасения малознакомых людей. Для него это естественное решение — прийти на помощь ближнему в сложной ситуации. По-видимому, в такой благородной «импровизации» — одно из проявлений некоего внутреннего кодекса тувинца, стремящегося жить по совести, в согласии с самим собой:

«Приказал, — сплюнув, ответил я. — Совесть... А вы...»; «А ведь так же и совесть, — пришла в голову мысль. Не покупается и не продается»³.

¹ Перевод Э. Мижита.

² Ирбижей Ч. Взрыв // Современная литература народов России. Проза. Антология. / отв. ред. И. Ермакова, К. Ибрагимов. М.: Обьединенное гуманитарное изд-во, 2018. С. 479-480.

³ Там же. С. 480.

В рассказе в эксплицитной оппозиции по отношению к главному герою находятся «спасенные» — русский и казах. Последнему кажется, что подвиг молодого тувинца был совершен ради возможного материального вознаграждения. Деньги, стратегия обогащения для него (казахского рабочего) — основной ориентир мировосприятия. Примечательно, что в тексте несколько раз обозначается этническая принадлежность не оценившего спасительную помощь человека.

Интересные подробности межкультурной коммуникации получили отражение в рассказе Октября Тун-оола (1943) «Аленка»¹, который на русский язык перевел Эдуард Мижит. Личность переводчика — носителя языка, культуры, глубоко погруженного в этнический быт и бытие Тувы — в целом положительно влияет на прочтение, восприятие текста: реципиент рассчитывает на большую этнокультурную достоверность, на большую точность, правдивость высказываний, семиотических единиц переведенного произведения. Несмотря на свою текстовую неразвернутость, рассказ композиционно довольно сложно устроен — имеют место темпоральные «разрывы», в континууме воспоминаний взаимонакладываются временные и событийные пласты, переживания прошлого и настоящего, в пространстве сюжетного взаимодействия — большое количество персонажей разного возраста, разной национальности. Произведение привлекательно для читателя своей лирико-исповедальной тональностью: автор с теплотой и благодарностью возвращает из детства дорогих сердцу людей, трогательно изображает детскую дружбу, игры, воспроизводит эмоционально разные внутренние состояния, когнитивные реакции тувинского ребенка (стеснительность, смтение от незнания русского языка, желание быть как все, как другие сверстники и т. д.). Важными с точки зрения художественной репрезентации интересующих нас этноментальных, этнокоммуникативных планов представляются текстовые фрагменты, в рамках которых заявляется полиэтничность локуса (смешанная хакасско-русско-тувинская деревня), приводятся конкретизированные сцены межэтнического общения, стереотипы, номинации. Выявляется, что тувинцы хакасов называли татарами, светло-русые волосы русской девочки воспринимаются взрослыми тувинцами как идеал красоты, русские этнофоры предстают как надежные друзья, умеющие дружить сквозь годы и при первой необходимости готовые помочь.

Значимое место в системе рассказа отводится теме русского и тувинского языков. Подчеркивается важность владения русским языком. Тувинского мальчика учат русскому сначала дед (первыми русскими словами становятся явления природы), потом — девочка Аленка, другие дети. Показательно, что в рассматриваемом произведении русские люди разговаривают по-тувински. Мама Аленки, оказавшись в тувинской семье, переходит на тувинский язык: ««Эки-менди, сосед. Буруу-ла, оршээ-ле, — заговорила она, заходя в дом. Вслед за ней зашла и Аленка»². Знание языка оказывается ключом к расположению представителей тувинского народа, вызывает восхищенное уважение в тувинской этнической среде. Свободно по-тувински говорит и повзрослевшая русская женщина Алена. Для нее тувинский — язык семьи, любимого мужа-тувинца, язык их детей:

«Алена взглянула на дочку и рассмеялась. — Ой, забыла. Ее отец — тувинец. Мой муж — строитель. Как же жена тувинца может не говорить по-тувински?! У нас трое детей, все говорят по-тувински, — сказала она и взглянула на дочку. — Уруум, тывалап бо акый-биле байырлажып корем³. — Байырлыг, акый! — на чистом тувинском попрощалась со мной ее дочь»⁴.

В переведенном на русский язык Э. Мижитом рассказе регулярно возникают тувинские языковые вставки. Особые взаимоотношения тувинцев и русских ассоциативно обыграны в песне, исполняемой дедом главного героя:

Буланно-солового и черно-солового,
Эх, иметь бы мне двух коней.
Сына русского и сына тувинца,
Эх, иметь бы мне двух друзей...⁵

¹ Тун-оол О. Аленка // Современная литература народов России. Проза. Антология / отв. ред. И. Ермакова, К. Ибрагимов. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2018. С. 481–483.

² Там же. С. 482.

³ Правильно *көрөм*. Цитаты приводятся в написании источника, в ряде случаев не используются тувинские буквы (н, ү, ө).

⁴ Там же. С. 483.

⁵ Там же.

Третий рассказ Марии Кужугет (1955) «Надежда»¹, также прекрасно переведенный с тувинского на русский Эдуардом Мижитом, обращен к трагической судьбе тувинской женщины по имени Билчин, оказавшейся вместе с героиней-повествователем в роддоме.

В ожидании родов рассказываются истории из прошлого, и воспоминания Билчин поражают соседней по палате одновременно и обилием, глубиной горя, и силой преодоления, торжеством жизни. В анализируемом очень небольшом по своему объему произведении автору удалось сжато, но выразительно экранизировать большие величины человеческого переживания, потерь. Череда смертей (гибель дочерей, сына) сокрушила, но не лишила надежды на счастливое материнство, возможность женского возрождения. В основе мировосприятия тувинских героинь — категория судьбы, предначертанность происходящего: всё будет так, как предрешиено. Смерть встречается с достоинством и уважением, страшные страдания словно закрываются от внешнего мира, от чужих. В произведении «растворено» немало мифопоэтических представлений, по всей вероятности, восходящих к духовной культуре тувинцев: уважительно-покорное признание мощи природного космоса, осознание близкого соседства жизни и смерти, достоинство смирения, умение держать удар судьбы. В рассказе «Надежда» на поверхности текста фигурируют тувинские языковые элементы (*аал*, *хайыракан*, *дунмам*² и др.). Для переводчика очень важно в структуре русскоязычного текста создать тувинское лингвокультурное измерение.

Проанализированные в статье рассказы дают представление о некоторых особенностях тувинской прозы. Так, регулярным ее сценарием можно считать ситуацию межкультурной и межъязыковой коммуникации. При этом на уровне высказываний автора / персонажей подчеркивается уважительное отношение к другим народам, культурам, языкам. В прозаических произведениях наблюдается частая сюжетная переплетенность жизни и смерти, постулируется мотив фатальной предопределенности происходящих событий, принимаемых решений. Герои малой тувинской прозы — люди с сильным характером, трагическим экзистенциальным опытом, несломленные судьбой, всесторонне связанные с родной землей: им суждено здесь жить, умирать, страдать, радоваться, познавать себя и других. Небольшие по объему рассказы, напечатанные в антологии, отражают большие проблемы простого человека. Речь может идти о своеобразной психологической «каллиграфии» тувинских писателей, их творческом умении изображать сложнейшие состояния личности.

Тувинская драматургия в антологиях

Напечатанная в антологии драматургии пьеса Ондара Чылгычы (1955–2020) «Последняя пристань»³ (перевод Инны Принцевой) — одно из наиболее сильных в художественном плане оригинальных драматургических произведений не только в истории тувинской словесности, но и за ее пределами.

Автору, прожившему яркую творческую и успешную политическую жизнь (имел театральное образование, работал актером, был министром, депутатом), присуще отважное метафорическое мышление, синтезирующее в себе как мотивно-образную составляющую традиционной тувинской картины мира, так и продуктивные в мировой культуре приемы постмодернистского конструирования действительности. Текст пьесы, представленный в издании в сокращенном виде, не просто характеризуется композиционной многоплановостью, дискретностью драматургического повествования — речь идет о сюжетно-ситуативном сочетании историко-культурного дискурса («монологи диалогов» правителей Афганистана), повседневно-бытовых зарисовок из жизни военнослужащих, экранизации афганских и тувинских природно-пейзажных панорам, этномифологических деталей. На общем фоне текстового драматургического корпуса антологии пьеса «Последняя пристань» выделяется проблематизацией советско-афганской войны, глубинной авторской проработкой подробностей чужой истории и современности. С одной стороны, это достаточно экзотический выбор для писателя, обычно сосредоточенного на топосах и социокультурных контекстах своей малой родины. С другой, реальность этого конфликта затронула сотни тысяч советских граждан, особенно жителей

¹ Кужугет М. Надежда // Современная литература народов России. Проза. Антология / отв. ред. И. Ермакова, К. Ибрагимов. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2018. С. 483–485.

² Правильно *дунмам*.

³ Ондар Ч. Последняя пристань. Драма в двух частях с прологом и эпилогом // Современная литература народов России. Драматургия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2020. С. 731–742.

отдаленных регионов страны. В широком смысле антропология войны — одна из потенциально привлекательных больших тем для литературного отклика, гуманитарного осмысления.

Интродуктивная часть пьесы примечательна рефлексией относительно афганского национального характера: лишенные имен персонажи устраивают дискуссию, обсуждают положительные и отрицательные черты афганского народа, подчеркивают его сложный нрав. Очевидно хорошее предварительное знакомство автора с полиэтническими особенностями страны. Далее следует сцена полемики афганских политических и религиозных деятелей (Амин, Хекматияр, Тараки, Кармаль). Вторая картина переносит в СССР, в «игровое пространство» военкомата: медсестры здесь флиртуют с военными, без особого внутреннего содрогания отправляют на верную гибель неподготовленных к войне молодых людей. Казалось бы, неуместная эротическая окрашенность реплик и жестов персонажей, стремление получить от жизни всё здесь и сейчас как нельзя лучше подчеркивают трагичность происходящего — близость смерти словно повышает ценность радостных впечатлений, удовольствий. Дальше действия развиваются со стремительной скоростью: герои пьесы отправляются на войну, получают ранения, сталкиваются с ужасами военного бытия, участвуют в секретной операции на территории Пакистана. В итоге некоторые из них возвращаются домой живыми, другие — погибают на афганской земле. Столь интенсивная смена кадров, непросто воспринимающаяся в текстуальном преломлении, — отчасти проявление редуцированности русскоязычной версии произведения.

Отдельного аналитического приближения требует главное действующее лицо пьесы — тувинец Монгуш, изображающийся как достойный представитель своего народа. У него превосходное образование, он владеет восточными языками, чтит традиции Тувы, нравится женщинам, выходит победителем из почти безвыходных ситуаций, остается живым, когда все вокруг погибают. Именно с личностью и вариациями сюжетного самопроявления Монгуша связаны наиболее выразительные эпизоды экзистенциализации тувинской духовной культуры, системы представлений.

В разные периоды своей жизни Монгуш обращается к сакральным возможностям песни, которая в его исполнении разгоняет тучи, останавливает дождь. Песня воспринимается им как *алгыш* (шаманское заклинание) (см.: Кенин-Лопсан, 1987, 1995). Одна из таких магически воздействующих на природу песен приводится в переводе Максима Амелина — заклинательное начало в данном случае «осложнено» биографическими вставками, лирической компонентой:

«Солнышко в небе, ярче светись, / Чтобы коровке в поле пастись. / Белая туча, к нам приплывай. / Черная туча, прочь утекай. / В лодке воздушной скоро и сам / Вдаль улечу я по небесам. / Край незнакомый манит меня, / Здесь подождите, мать и родня. / Ждать вам недолго, в горном краю / Буду нести я службу свою. / Долг свой исполню, смел и горяч, / Милая, только, только не плачь. / Солнышко в небе, ярче светись, / Чтобы коровке в поле пастись. / Белая туча, к нам приплывай. / Черная туча, прочь утекай»¹.

Герой верит в амулеты, верит в оберегающие способности красных камней:

«А вы не переживайте. Я все равно вернусь домой. Иначе нельзя. У меня с рождения девять красных камней, сам черт не возьмет, убежит. Мать мне дала как талисман»².

Монгуш обладает умением сквозь время и расстояние разговаривать с близкими, посылать им сигналы. У него уважительное отношение к смерти — он просит солдат аккуратно обращаться с телами погибших. При этом, в отличие от других, он достаточно уверенно входит в режим близкого соприкосновения со смертью, ложится в цинковый ящик, пытается представить себя мертвым. Монгуш наделен высокими морально-нравственными качествами: например, он категорически не принимает мат, сквернословие. Он осознает важность, духовную значимость, силу сказанного и несказанного слова. В целом поведение Монгуша свидетельствует о том, что он обладает, в понимании тувинцев, шаманскими способностями.

Еще одна фиксируемая в тексте параллель — внутренняя соотнесенность героя с мирами гор. Эта особенность не просто помогает ему лучше ориентироваться в незнакомой горной местности, но и чувствовать, понимать жителей этих мест, предвидеть их действия.

¹ Там же. С. 735.

² Там же. С. 734.

Вторая тувинская пьеса, вошедшая в специализированную антологию, изначально привлекает внимание своим вопросительным заглавием: «Кто ты, Субэдей-багатур?»¹. Ее автор — Эдуард Мижит — нашел для своего произведения нетривиальное жанровое определение — историческая драма-эссе. Пьеса в издании дается в авторизованном переводе.

Этот артефакт относится к когорте важных для гуманитарного позиционирования этноса текстов. Речь идет об активации ресурсов исторической памяти, художественных стратегиях прославления полумифологических героев, символизирующих лучшие качества народа, реальность большой истории. Подобные ретроспективные разножанровые опыты в литературах народов России начинают появляться во второй половине 1980 — начале 1990-х гг., когда для усиленного творческого, социокультурного утверждения этнической идентичности потребовались новые исторические факты, другие ракурсы прочтения исторических событий. У многих народов России творчески апробированные «объяснительные системы» (Шафранская, Гарипова, Токарева, 2023) репрезентации прошлого нашли воплощение в виде авторских эпосов («Масторава» А. М. Шаронова, «Тангыра» М. Г. Атаманова, «Югорно» А. Я. Спиридонова и др.). В случае с современной тувинской литературой есть все основания говорить о драматургическом переживании «встречи» с историей.

Драма-эссе Э. Мижита, вероятно, была создана для последующей театральной постановки. Читать пьесу как литературное произведение непросто — это постоянные «скачки» темпоральности, переключения планов и персонажей, сложно воспринимаемая чрезмерная насыщенность диалогов, рассуждений, точек зрения. В рамках данной статьи нет возможности ретранслировать содержание драмы. Остановимся на некоторых ее уровнях, позволяющих приблизиться к художественному феномену Э. Мижита и особенностям развития тувинской литературы.

Персонологическая галерея произведения состоит из множества действующих лиц. Как правило, это выдающиеся правители, исторические персонажи (Чингис-Хан, Батый), ханы, воины, шаманы, немногочисленные женские персонажи. Однако в центре внимания автора и реципиента — личность этнического тувинца Субэдея, жизнь которого преподносится в разных возрастных разрезах. Именно Субэдей изображается в ипостаси своеобразного идеального этнофора. Его мировосприятию свойственна этническая корпоративность (старается собрать вокруг себя своих), он мудрый, дальновидный, пользуется большим уважением в иноэтнической среде. Обладает огромным военным опытом, к нему за советом обращается сам Батый. Вместе с тем личность Субэдея таит в себе немало противоречий. Внутри него идет борьба между добром и злом, между философией войны и мира, природным буйным темпераментом и необходимостью «маски» спокойствия.

Выдвижение на первый план пьесы Субэдея отвечает тувинским этногуманитарным интересам в том смысле, что каждому народу нужны исторически верифицированные и / или убедительно мифологизированные герои, «эмблематизирующие» корни, прошлое, этнические идеалы, надежды, ожидания.

В пьесе в различных аспектах явлены примеры сложной межэтнической коммуникации. Логика происходящих событий, геополитических интересов сводит и разводит родственные и неродственные народы. Актанты драмы с регулярностью поднимают этнографические темы, стараются в ситуации постоянного / длительного перемещения не потерять духовную связь со своим этносом.

Заметная особенность пьесы — обилие мудрых изречений, вербализованных внутренних установок, ориентирующих как и куда жить:

«Настоящему воину нужны не обозы, до отказа нагруженные награбленным скарбом, а сильный конь, острый клинок и крепкая рука!»²;

«Мужчине не пристало быть несдержанным, суетливым»³;

«Если выпало родиться тем, кто восседает на почетном месте и держит в руках судьбы людей, то такой муж должен уметь заглядывать далеко вперед»⁴;

¹ Мижит Э. Кто ты, Субэдей-багатур? Историческая драма-эссе // Современная литература народов России. Драматургия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2020. С. 742–759.

² Там же. С. 744.

³ Там же. С. 746.

⁴ Там же.

«Если ты сам себя не умеешь держать в руках, как ты сможешь держать в руках и управлять народом?!»¹;

«Для человека нет большего счастья, чем возвращение на родину, к родному очагу!»²

При помощи таких назидательных высказываний автор, по-видимому, стремится акцентировать высокий духовный и интеллектуальный статус своих персонажей. Рассуждения героев драмы носят преимущественно глобальный философский характер (извечные темы жизни и смерти, своего и чужого, внутреннего и внешнего управления народом и др.).

В структуре пьесы видное место занимают песни. В их образно-символическом пространстве кодифицированы тувинские представления о мире и человеке, любви и ненависти, теле и душе, обретениях и утратах. М. А. Амелин при переводе этих песен на русский язык старался максимально точно передать их этнокультурную полифонию, советовался с автором, обращался за консультацией к ученым-филологам из Республики Тыва.

Тувинская драматургия, судя по вошедшим в антологию произведениям, в конце XX — начале XXI вв. переживает этап расцвета, выходит на новый качественный уровень бытования. Примечательно, что исторические события, персонажи — как и свои тувинские, так и чужие — оказываются в центре драматического повествования. В тувинских пьесах находят отражение некоторые важные тенденции развития литератур народов РФ — стремление быть неотъемлемой частью мировой истории, желание — пусть нередко в контексте мифологизации — героизировать своих, репрезентация в тексте значительных объемов этнокультуры, общая сложность композиции, взаимоналожение временных, событийных планов. Одна из очевидных «драм» тувинской (и не только тувинской) драматургии — в ее неизвестности российской аудитории, невключенности в большое культурное пространство страны.

Заключение

Представленные в антологии писатели, проанализированные в статье произведения — всего лишь малая часть целого большой литературной традиции. Тем не менее, наше исследование показало, что тувинская литература на фоне многих других литературных традиций выделяется как высоким художественным качеством, так и разнообразием стилей, творческих концепций. При этом текстовые объемы репрезентации тувинской литературы в антологиях в целом не соответствуют богатству, многогранности словесности, духовной культуры Тувы. Среди распространенных в рассмотренных произведениях художественных реалий — актуализация выразительных возможностей природной символики, регулярное конструирование своей пространственной реальности, повышенное внимание к историческим событиям и персонажам, психологическая глубина, широкое использование приема визуализации.

Работа над составлением антологий, анализ их содержательной составляющей позволили сделать вывод о том, что на общероссийском фоне нарастающей тенденции концептуального «разворота» писателя-этнофора в сторону творчества на русском языке тувинская литература в целом сохраняет свою языковую самостоятельность, лингвокультурную самобытность. Тувинская приверженность к письму на родном языке коррелирует с реальностью большинства тюркских литератур народов России (в татарской, башкирской, чувашской, якутской литературах «переключение» авторов на русский еще носит единичный характер).

Рассмотренный нами срез текстов показывает, что тувинской литературе присуща высокая степень художественного выражения этничности (есть все основания говорить не столько о внешних проекциях, сколько о внутреннем раскрытии основных этнических категорий). Речь идет о повсеместной актуализации тувинских хронотопов, их номинаций, о регулярной трансляции национального языкового элемента, проблемно-тематической реализации релевантных в контексте тувинской этногуманитаристики образов и сюжетов, осмыслении этноментальных основ, проявлений тувинцев.

Перспективы исследования современной тувинской литературы могут быть связаны с возможностями литературоведческой компаративистики: речь может идти о выявлении общего и особенного относительно тувинской литературы и литератур народов России. Сравнительно-сопос-

¹ Там же. С. 746.

² Там же. С. 757.

тавительное включение тувинской словесности в литературный макроконтекст народов РФ — фундаментальная научная задача, решение которой предполагает объединение усилий разных исследовательских групп. Анализ художественных материалов антологий позволил нам заключить, что в истории, текущей реальности тувинской литературы особое место занимает поэзия, выразительно сочетающая в себе глубинную этническую самобытность и универсалии мировой культуры. На общем фоне слабых позиций драматургии в жанрово-родовой системе большинства литератур тувинская литература располагает оригинальными драматическими произведениями. В аспекте трансляции этноментального своеобразия выигранно выглядит тувинская детская литература. Одна из основных проблем — недостаточная представленность тувинской литературы на русском языке, других мировых языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арзамазов, А. А. (2022) Реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия: художественный феномен Александра Арапова // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 19. № 4. С. 622–636. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636>

Арзамазов, А. А. (2023) Художественные контексты мокшанско-русского языкового «переключения» Раисы Орловой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16. № 7. С. 2037–2042. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230314>

Байыр-оол, М. С. (2013) Юрта в тувинской традиционной культуре // Новые исследования Тувы. № 2. С. 67–79.

Барабаш, Ю. Я. (2021) Чужое-Иное-Свое = Alien-other-own : к проблематике этнокультурного пограничья. М. : ИМЛИ РАН. 336 с.

Бахтикиреева, У. М. (2005) Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. М. : Триада. 192 с.

Бахтикиреева, У. М. (2009) Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : ЦБОиМИ. 259 с.

Валикова, О. А. (2021) Cōgitō, ergo sum: интервью с Эдуардом Мижитом // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18. № 2. С. 216–223. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223>

Валикова, О. А., Синячкин, В. П., Кулиева, Ш. А. (2023) Онтические элементы как маркеры транслингвильности в стихотворениях Э. Мижита // Новые исследования Тувы. № 4. С. 171–184. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.12>

Дампилова, Л. С. (2015) Феномен билингвизма в современной поэзии народов Сибири // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 196–202.

Донгак, У. А. (2006) Тувинское стихосложение. Кызыл : Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша. 149 с.

Донгак, У. А. (2020) Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 17. № 4. С. 462–474. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>

Ибрагимов, М. И. (2018) Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 104 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства, конец XIX — начало XX в. Новосибирск : Наука. 172 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1995) Тыва хамнарнын алгыштары [Алгышы тувинских шаманов]. Кызыл : Новости Тувы. 530 с. (На тув. яз.).

Комбу, С. С. (2012) Тувинская литература: словарь / под ред. Д. А. Монгуша, М. Л. Трифионовой. Новосибирск : Наука. 359 с.

Куулар, Д. С. (1970) Тувинская поэзия: Очерк истории. Кызыл : Тувкнигоиздат. 140 с.

Кучукова, З. А. (2005) Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых. 309 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Литература народов России = Literature of the peoples of Russia : сборник (2022) / отв. ред. Б. С. Зулумян. М. : ИМЛИ РАН. Т. 1: Автор. Текст. Генезис. = Author. Text. Genesis. 376 с. DOI: <https://doi.org/10.22455/Lit.PR-978-5-9208-0527-0-2022-1>

Очур, Т. Х. (2011) Этнопоэтическое своеобразие прозы С. Сарыг-оола. Кызыл : Тувинский гос. ун-т. 167 с.

Сафиуллин, Я. Г. (2021) От романтизма к сопоставлению литератур / науч. ред. М. И. Ибрагимов, сост.: В. Р. Аминева, Э. Ф. Нагуманова, А. З. Хабибуллина. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 576 с.

Хадаханэ, М. А. (1968) Тувинская проза / под науч. ред. Э. С. Кедринной. Кызыл : Тувкнигоиздат. 131 с.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Токарева, Н. А. (2023) Роман Сенчин: поэтика тувинского текста // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Дата поступления: 19.11.2023 г.

Дата принятия: 09.02.2024 г.

REFERENCES

Arzamazov, A. A. (2022) The reality of Erzya-Russian poetic bilingualism: the artistic phenomenon of Alexander Arapov. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 19, no. 4, pp. 622–636. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636>

Arzamazov, A. A. (2023) Artistic contexts of the Moksha-Russian language “switching” by Raisa Orlova. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 16, no. 7, pp. 2037–2042. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230314>

Baiyr-ool, M. S. (2013) A yurt in Tuvan traditional culture. *New research of Tuva*, no. 2. pp. 67–79. (In Russ.).

Barabash, Iu. Ia. (2021) *Alien — other — own: to the problematics of ethnocultural borders*. Moscow, IMLI RAN. 336 p. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2005) *Creative bilingual personality: national Russian-speaking writer and features of his Russian literary text*. Moscow, Triada Publ. 192 p. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2009) *Creative bilingual personality (authors of Turkic origin and their texts in Russian)*. Astana, TsBOiMI Publ. 259 p. (In Russ.).

Valikova, O. A., Siniachkin, V. P. and Kulieva, Sh. A. (2023) Ontic elements as markers of translanguality in E. Mizhit's poems. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 171–184. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.12>

Valikova, O. A. (2021) Cōgitō, ergo sum: interview with Eduard Mizhit. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, vol. 18, no. 2, pp. 216–223. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223>

Dampilova, L. S. (2015) The phenomenon of bilingualism in modern poetry of the peoples of Siberia. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 196–202. (In Russ.).

Dongak, U. A. (2020) Innovation of the bilingual writer Eduard Mizhit (Tuvan poetry). *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 17, no. 4, pp. 462–474. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>

Dongak, U. A. (2006) *Tuvan versification*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 149 p. (In Russ.).

Ibragimov, M. I. (2018) *National identity of Tatar literature: modern research methods*. Kazan, IILi im. G. Ibragimova. 104 p.

Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Ritual practice and folklore of Tuvan shamanism. Late XIX — early XX century*. Novosibirsk, Nauka. 162 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1995) *Algysh of Tuvan shamans*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 530 p. (In Tuvan).

Kombu, S. S. (2012) *Tuvan literature: dictionary* / ed. by D. A. Mongush and M. L. Trifonova. Novosibirsk, Nauka. 359 p. (In Russ.).

Kuular, D. S. (1970) *Tuvan poetry: Essay on history*. Kyzyl, Tuvkniгоizdat. 140 p. (In Russ.).

Kuchukova, Z. A. (2005) *Ontological metacode as the core of ethno-poetics*. Nalchik, M. and V. Kotliarovykh Publ. 309 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *National character of the Tuvans*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Essays on the contemporary Tuvan culture*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Literature of the peoples of Russia (2022) : collection / ed. by B. S. Zulumyan Moscow, IMLI RAN. Vol. 1. *Author. Text. Genesis*. 376 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22455/Lit.PR-978-5-9208-0527-0-2022-1>

- Ochur, T. Kh. (2011) *Ethnopoetic originality of S. Saryg-ool's prose*. Kyzyl, Tuvan State University. 167 p. (In Russ.).
- Safiullin, Ia. G. (2021) *From romanticism to comparison of literatures* / ed. by M. I. Ibragimov, comp. by V. R. Amineva, E. F. Nagumanova, A. Z. Khabibullina. Kazan, IILi im. G. Ibragimova. 576 p. (In Russ.).
- Khadakhane, M. A. (1968) *Tuvan prose* / ed. by Z. S. Kedrina. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 131 p. (In Russ.).
- Shafranskaia, E. F., Garipova, G. T. and Tokareva, N. A. (2023) Roman Senchin: poetics of Tuvan text. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Submission date: 19.11.2023.

Accepted date: 09.02.2024.